

אדולף

הול

תרגומי השירה הלירית לעברית מרוסית מאת אדולף גומן
Лирическая поэзия в переводе на иврит Адольфа Гомана

Авраам ХАЛФИ

אברהם חלפי

СТИХИ

שירים

примечания переводчика

הערות של מתורגמן

adolf.goman@gmail.com

Авраам ХАЛФИ

(1904-1980)

Содержание

Краткая биографическая справка

Он шёпоту вечера тёмного верил

Снова до завтра

Который час?

Песня про попугая Йоси

Нотр-Дам

Есть час один

Памяти Есенина

От угла до угла

Следы Твои видел во сне

Пьяный

Гнев бурь

Золотоискатель

Стих и его тень

Спряталось тело внутри души

За то, чтоб весна удалась

Есть звезда

Сердца наши - озеро

Есть белая ночь

Человек у себя дома

Старики

Её имя

Кто срубил мой ствол?

К Смерти в бою

Башмаки

Кузнец

Разве пропасть поймёт другую?

Я жизнь берегу

Над лбом сияет чёрный нимб

Грустно тебе

Как листок

Каждый – раб

תוכן העניינים

על אברהם חלפי

אדם האמין פה ללחש הערב,

ושוב עד מחר

טפות הגשם מדפקות על פח המרזבים

שיר על התפי יוסי

נוטר-דאם

ישנה שעה אחת

לזכר יסנין

מזוית אל מזוית

חלום עקבותיך

השכור

בזעם סופות

כורה-הזהב

שיר וצל

ברח הגוף לתוך הנשמה

צפינו בואו של היום

יש כוכב – דועך אורו

לבבנו – אגם

יש לילה לבן

אדם בחדרו

זקנים

לא קראתי בשמה

מי שבר את גזעי

על המות בקרב

נעלים

גורל

אדם היבין למשנהו ?

יודע אני : החיים הם חסד

עטור מצחק זהב שחור

צער לך

זה האיש הנושא את לבו

כל אחד הוא עבד

Её называют жизнь
Сегодня, в месяц гибели
Молитвы еретика
Смогу ли говорить с Тобою
Он ввёл в заблуждение душу мою
Мой отец
Я – только плоть и кровь
Дождь этот
Оставь меня навек
Я сокращаю себя
Всегда он на моём пути
И не вернёт
Бессонная ночь
Мрак бежит от него
Обугленный воздух
Только кровь
Что делать человеку
Всё, чего не имею
Стихи – рисунок
Написано в воздухе
Тишина так молчалива
Если кому-то снится птичка
Когда была я птицей лесной
В день, обугленный войной
Цветы ошибок
Я молю
Господин дней наших

הם אותך בעין
היום שלשה-עשר ברח אבדון
תפילות כופר
האדבר אתך בטריולטים
הוא התעה את נפשי
אבי
איני אלא בשר ודם
הגשם הזה
עזב אותי לעד
אני מצמצם את עצמי
תמיד הוא בדרך
ולא ישיב
ליל נדודים
נס החשך מפניו
האור החרוף
רק דם
מה יעשה אדם
כל מה שאין לי
השיר עשוי דיו שחור
כתוב באור
הדומה שקטה כל-כך
קשמישהו הולם צפור
קשהייתי צפור ביער
ביום חרוך ממלחמה
פרחי טעיות
אני תפלה
אדון חלדנו ומלכו

Краткая биографическая справка

Авраам Халфи (1906-1980) – ивритский поэт и актёр, родился в Лодзи (Польша), рос и учился в Минске. В 1924г. переехал в Палестину. Сначала работал в строительстве и в сельском хозяйстве. В 1925г. был одним из основателей театра "А-óэль" в Тель-Авиве, откуда в 1954г. перешёл в Камерный театр. А.Халфи был не только прекрасным актёром, но и неза-урядным поэтом. Большое влияние оказала на него русская поэзия, особенно – любимый им Есенин.

Как большая часть талантливых комических актёров, Халфи был трагиком в душе, что видно из его поэзии (особен-но, в годы войн и в последние годы творчества). В жизни он был чрезвычайно скромным человеком.

Он на десятилетие опередил смену тенденции в ивритской поэзии, отходящей от символизма и эталонов, установлен-ных Шлёнским и Альтерманом. Поэтому какое-то время поэзия Халфи не воспринималась всерьёз критиками. Многие сти-хи Халфи отличаются мелодичностью и послужили текстами для ставших популярными песен (Песня на музыку Йони Рех-тера "Над лбом сияет чёрный нимб" не раз признавалась лучшей современной лирической песней на иврите).

Из книги "От угла до угла" (1939)

Он шёпоту вечера тёмного верил

Он шёпоту вечера тёмного верил
и – взглядами - звёзд целовал хоровод.
Он вышел из дома
и ждал у двери:
падёт ли звезда с небесных высот?

Он грезил: вот ветер подул ниоткуда

מהקובץ "מזוית אל זוית"

* * *

אדם האמין פה ללחש הערב,
נשק כוכבים במבט מערפל.
הלך מביתו
ועמד בדרך
לראות אם כוכב מרקיע נפל.

רוח-דממות גלגלה את העשב

и стал горизонт вдруг легко достижим.
И в грёзе молясь, осознал он чудо:
вечер навечно прощается с ним.

На тысяче крыльев покоится небо,
не страшно поэту в стихе умереть.
И пусть светлым путь его жизненный не был,
упала звезда -
будет светлою смерть.

Он шёпоту вечера тёмного верил
и в воздухе слышал небесный хорал.
Он вышел из дома
и думал у двери:
похожа ли смерть на звезду, что он звал?

Песня на музыку Шем-Тов Леви
в исп. ансамбля "Кантабиле" на сайте
https://www.youtube.com/watch?v=UbYbxAtkM7k&list=PL7Fhs_mqX8SVFEpWG75-2I8Sa8k8Sn4hy

Снова до завтра

Снова до завтра,
до послезавтра...
Я знаю, дыханье прервётся опять.
И, хотя мне есть что сказать как автору,
но предпочту помолчать.

До чего же час нескончаем, уродлив!
второго такого нигде не сыскать.
И утро словно взбесилось сегодня:

הַאֶפֶק קָרֵב מְרַחֲקִים בְּחִלּוֹם.
נָשָׂא תַּפְלִיתוֹ הַחֹלֶם אֶזְעַל גַּם זֶה,
כָּאֵלּוּ הָעָרֵב בִּרְכוֹ לְשָׁלוֹם.

הִנֵּה לִרְקִיעַ יֵשׁ אֶלֶף כָּנָפִים,
עַל כֵּן אֵין כָּל פֶּחַד לְגֹועַ בְּשִׁיר,
אֲבָל אִם רוֹאוֹת לְפַעֲמִים הָעֵינִים
כּוֹכֵב שְׁנוֹשֵׁר –
זֶה מוֹת בְּהִיר.

אָדָם הָאֶמִּין פֶּה לְלַחֵשׁ הָעָרֵב,
שָׁמַע מִקְהֶלֶת הָאוֹיֵר בְּמַרוֹמִים,
הֵלֵךְ מִבֵּיתוֹ
וְעָמַד בַּדֶּרֶךְ
לְרֹאוֹת אִם כּוֹכֵב וְהַמּוֹת דּוֹמִים.

* * *

וְשׁוֹב עַד מָחָר.
עַד מְחֻרְתִּים - - -
וְשׁוֹב לְדַעַת, כִּי הַנְּשִׁימָה תִּפְסֹק.
אֲנִי שׁוֹמֵר דְּבַר-מָה מֵעֵבֶר לַשְּׁפָתַיִם,
לִכֵּן אֲנִי שׁוֹתֵק.

הִנֵּה עֹכְשׁוֹ שְׁעָה לֹא מְלַעֲרֵת.
אֵינָה דּוֹמָה לְשׁוֹם שְׁעָה בִּיקוּם.
כָּאֵלּוּ הַבֶּקֶר הָיָה לְפָרָא

нарядилось как вечер - тоска!

Спятило, вечером вдруг нарядилось
и ставням отдало приказ: "Заккрыть!"
Поминает гостей, что ещё не явились,
словами... нельзя повторить.

И что же за ранние гости прибудут
в дом, куда не впускают день? –
Докучная тётка надежда будней
и её чёрная тень.

И что будут делать в комнате тёмной,
какой им будет приём и почёт?
Внезапно застыл час в тревоге огромной:
а вдруг человек зайдёт?!

Уж лучше до завтра
(времени много!)
меж строк у поэта-безумца молчать,
того, кто ни в смерти на небо дороги,
ни в жизни
не смог отыскать.

Который час?

Дождь каплями по трубам водосточным хлещет.
- Который час?
А время, как потоп, что тонет в бездне вод.
Тут человек живёт
в углу, средь тайн – паук, отшельник здешний.
Его зовут...

Все люди безымянны под дождём кромешным.
Легки, как пауки,

וּלְבַשׁ בְּגָדֵי עֶרֶב עָגוּם.

לְבַשׁ בְּגָדֵי עֶרֶב... אֲכֵן מְשַׁגֵּעַ הוּא.
פָּקֵד עַל תַּרְיָסִים לְהִיּוֹת מוּגָפִים
וּמִכְנָה אֶת אוֹרְחָיו, שְׁעוּד לֹא בָּאוּ,
בְּכַוְנָיִים... לֹא יָפִים.

וּמִי הֵם אוֹרְחָיו בְּשַׁעַה כֹּה מְקֻדָּמָה,
בְּחֹדֶר אֶפֶל וּמִנִּיס אֶת הָאוֹר ? -
תִּקְוָה יוֹמִיּוּמִית – כְּדוּדָה מְשַׁעֲמָמֶת -
וְצִלָּה הַשְּׁחוֹר.

וּמָה יַעֲשׂוּ הָאוֹרְחִים כָּאֵן בְּחֹדֶר ?
מָה יַעֲשׂוּ ? וּבִמָּה לְכַבֵּדָם ?
וּלְפִתַּע... פְּתָאם הַשַּׁעַה מִפְּחָדָת,
שָׁמָּה – יָבוֹא אָדָם.

מוֹטֵב עַד מָחָר.
עַד מְחֻרְתִּים.
לְדוֹם בֵּין שִׁירִים שֶׁל פִּיטוֹן מְטָרָר,
אֲשֶׁר לֹא מָצָא אֶת דְּרָכּוֹ לְשָׁמַיִם
לֹא בְּמוֹתוֹ,
לֹא בְּחַיָּיו - - -

* * *

טְפוֹת הַגֶּשֶׁם מְדַפְקוֹת עַל פֶּח הַמַּרְזָּבִים.
- מָה הַשַּׁעַה ?
- הַזְּמַן – מִבּוּל שׁוֹקֵעַ בְּמִימֵי עֲצָמוֹ.
כֹּה גַר אָדָם אֶחָד, כְּעַכְבִּישׁ
בְּסוֹד קוֹרֵי זְיוֹת,
אָדָם וְשָׁמוֹ –

אֵין שֵׁם, אֵין שֵׁם לְאִנְשִׁים בְּגֶשֶׁם,
עַתָּה כָּל אֶחָד, כְּעַכְבִּישׁ אֶלֶם,

как паутины нить.

И в запустенье комнат жаждут мухи грешной:
себя дыханьем смерти усладить.

Все люди безымянны под дождём крошечным.

Как капли, что быют в сердце камня без конца.

- Который час?

А время, как потоп, над всею сушей плещет.

Нет у него лица.

Песня про попугая Йоси

"А попугай Йоси..".

(А.Амеири "Весь день попугай мой кричал"

Перевод см. "Из Антологии ивритской поэзии

XX-го века" на этом сайте)

Куплю попугая, назову Йоси

и буду беседовать с птичкой в тиши.

"Печаль - стакан, но, -

скажу, если спросит, -

как горько вино

в нём из гроздьев души!"

Йоси, птичка, ты мальчик чувствительный. Знаю,

что тихой смерть будет твоя

и простой.

И в стену шепну, как Амеири, вздыхая:

Что же ты сделал,

Йосенька мой!

И вернётся твой прах из угла белой клетки

בעזובת חדרו,

יחמד את זבוב הפשע

להנאת המות הנושם.

אין שם, אין שם לאנשים בגשם,

כמו לטפות המדפקות על לב האבנים.

- מה השעה ?

הזמן – מבול על פני יבשת.

באין-פנים.

שיר על התכי יוסי

והתכי יוסי...

"בית-רבן" – אביגדור המאירי

אקנה לי תכי ושמו יהיה יוסי.

עמו אשוחח עת איש לא ישמע.

אז אמר לו, אמר :

- העצבות כמו כוס היא

ובה היין מר

מענבי הנשמה.

התדע, תכי יוסי, אתה ילד לירי.

צפוי לך מות שקט,

כה שקט.

ואז אנכי בתוגת המאירי

אלחש לקירות: יוסי מת,

יוסי מת.

וישוב אפרך מהפלוז למולדת –

жёлтой пылью над лесом зелёным парить.
Одинокому – где уж подруга и детки! –
попугаю, как ты, не пристало любить.

Таких ведь не любят по-настоящему.
Для всех ты приятный болтун,
не мудрец,
как всякий поэт с сердцем гневным, горящим
среди всех этих грешных холодных сердец.

Такие, как ты, лишь игрушка среди прочих,
забава ребятам, дразнилка – и всё.
Утешь меня зёрнышком, Йоси,
попотчуй.
Пусто сердце моё.

Песня на музыку Мики Габриэлова в исполнении на сайте
<https://www.youtube.com/watch?v=Vb-Lo8FvHtQ>

Нотр-Дам

Весь мрачный твой лик
свят – от камня основы до крыши фасада всего.
Нотр-Дам, Квазимодо любимого тень бродит по архитраву.
Из сердца органа старинного
вечно тому, кто сказал и свершилось по слову его,
молитвы твои поют славу.

Химеры молчанье блюдут, словно пост, предвещая мессии приход
– на ад осуждённые души внимают, с карниза склоняясь.
Там Сена из жалости тёмные тайны погибших хранит в глубинах вод,
к секретам святым приобщаясь.

מן הפלוב הלבן לעפר הצהב,
עירי, בלי אשה תכיה ויולדת.
לתכי שפמוך אסור לאהב.

אתה לא תאהב, יוסי, יוסי
אף פעם.
כמוך נולדו להנעים פטפוטים
עם כל משורר, שלבו אש וזעם,
בין לבבות אדישים וחוטאים.

כמוך הם רק צעצוע בבית,
למען יוכלו ילדים לשחק.
פטפט, תכי יוסי,
נחמני קזית,
לבי היום ריק.

נוטר-דאם

הנה קודרה
מאבן יסוד קדשתה ועד ראש,
כנסית נוטר-דאם המאהבת בצל קוזימאדו.
מלב עוגבה העתיק
אל מי שאמר והיה כדברו הקדוש
צלילי תפלותיה יסגדו.

כימרות עורכות פה שתיקה כצום לבואו של גואל –
נשמות אסירי גיהנום (מכרלב גוחנות ברב-קשב).
והסנה חמלה תדובב בבליעה את סודן האפל:
לכן הנני מקדשת.

В огромное зеркало неба нацелена крыша твоя остриём,
и в дыме из глоток заводов под ней еле дышат химеры.
Над ней золотой петушок
христианскому богу без пауз читает псалом,
как столпник, в усердьё не знающий меры.

Охрипшего города шум с каждым часом сильней,
но вечер оглохший не слышит, спускается ниже.
Нотр-Дам, ты построен из плит одиночества тысяч людей
бурлящего вечно Парижа.

Есть час один

Есть час один такой, без волшебства. Он весь –
пустой сосуд, когда вино разлито.
В нём всё сжимается в необозримом "есть"
до "нету".

Часы – их стук, как стук дождя, невозмутим –
минутам счёт ведут во тьме кромешной.
Тот первый вечер был, наверное, таким:
до сотворенья мира
в тишине нездешней.

Жить без познания и удивленья без
и всё забыть велит нам час угрюмый...
Есть час такой –
отсюда до небес
в тумане снов пустых души и думы.

על קדקדך הזוקר את חדו מול ראי
של רקיע עולה מלעות קסרקטי החרשת,
הזדקף תרנגול-אגדות
בתפלה אל האל הנוצרי,
כנזיר מסתגף ללא בשות.

וקולו – דומיה על פני סאן הכרך הצרוד.
דומיה הצוללת לריק באזניו החרשות של הערב.
פנסית נוטר-דאם הגבוהה! את נבנית מרגבי הבדידות
של פריס הסוערת.

* * *

ישנה שעה אחת ריקה מכסופים,
ככלי אשר יינו נשפה ממנו.
אז מתגמד הכל ביש האינסופי,
עד כי איננו.

בקול אדיש מונה אז השעון
את צעדי הזמן בתוך ריקות הערב.
קזה היה אולי הערב הראשון
לפני היות עולם –
בדומיה אחרת.

ואין לתמוה עוד, ואין עוד להבין.
חיה וזכור: לשכוח. רק לשכוח...
ישנה שעה קזאת
מכאן עד העבים
בערפלי הנפש והמח.

לזכר יסבין

Всё пройдёт,
Как с белых яблонь дым ¹
 סרגי יסנין

זֹכֶר אֲבִי אֶת יוֹם מוֹתָךְ, יְסָנִין.
בְּעוֹלָם הָבָא נִהְיָה עוֹד יְדִידִים.
עוֹד לִי שִׁיר תְּשִׁיר כְּדִי לְנַחֲמִי:
Vse proïdëm,
Как с белых яблонь дым.

וַיִּדְרֹךְ הַכֹּל כְּמוֹ תַּפְרֹחַת הַתְּפֹחַ,
יִמּוֹג כְּמוֹ עֵשֶׂן הַפָּרַח הַלֵּבָן.
וַיַּעֲקְרוּ בַסַּעַר הַפָּרוּעַ
תַּוּגוֹת בִּיקוּם
וְאֵילָנוֹת בָּגָן.

שְׁנֵה-שָׁנָה עִם סִתּוֹ
וְעַרְב־חֹרֶף
נוֹשְׁרוֹת שְׁעוֹת כְּאֶפֶר עֲנָבִים,
עֵת הַפִּיטוֹן בְּקוֹל מֶכָה צְמַרְמֶרֶת
קוֹרֵא אֶל אֵל וְאֶל אָדָם –
וְאֵין עוֹנִים.

עַתָּה הַנִּשְׁמָה עִם אוֹר הַיּוֹם דּוֹעֶכֶת,
זוֹ הִיא שְׂבַגְלִלָה כָּלֵנוּ בּוֹדִידִים.

יְגוֹן פְּרָחִים רוּעַף מְשִׁיר שְׁפָתֶיךָ:
Vcě prouďem,

¹במקור ברוסית: הכול יעבור כעשן מעצי תפוח לבנים

Как с белых яблонь дым.

Веет в сумерках тоскливый дым молчанья.
Я один – печален, нелюдим...
До свиданья, друг мой, до свиданья!
Может быть, ещё поговорим.

От угла до угла

От угла до угла в комнат призрачной мгле,
от угла до угла, непрерывно, часами...
За окном город наш – дальше всех на Земле.
Он во мраке покинут нами.

В полночь сердцу становится невмоготу.
Мы глядим на панель (сирота в целом свете!).
Кто там сказками кормит небес немоту?
Почему так озлоблен ветер?

Как преступной рукой человек был готов
хладнокровно к кресту пригвоздить себя разом
так, что, видя мученья, любой из Христов,
сострадавая, теряет разум.

От угла до угла в комнат призрачный мрак,
от угла до угла, беспокойно, часами...
А за окнами город скорбящий никак
не простит, не простится с нами.

Следы Твои видел во сне

Тебя не нашёл ни в морях, ни на суше,
Тебя не нашёл среди туч в вышине.

Как с белых яблонь дым.

עשן שתיקה עולה בין הערבים.
אין אדם בחדר מלבדי.
תודה לך, כי עוד אנחנו שנים
משוחחים בינינו, ידידי.

מזוית אל מזוית

מזוית אל מזוית בחדרי האפל.
מזוית אל מזוית - כך שעות ללא-הרף.
והעיר בחלון – רחוקה מכל אל.
נעזבה עם הערב.

בבצות, בחיור אין-אונים ואדיש,
את לבנו נשא אל יתמות המרצפת.
מי אומר אגדות מול רקיע מחריש?
למה רוח רעה מרחפת?

מי גלה את אצני, כי סמר אל הצלב
בן-אדם את עצמו בידו המרשעת?
וכל ישו רחום, כי יראה את פניו
ושכל את הדעת.

בין מזוית למזוית בחדרי האפל.
בין מזוית למזוית - כך שעות בלי-מנוח.
והעיר בחלון. סוחר, והעיר כאבל,
שאיןנו יכל לשכח.

חלום עקבותיך

חפשתי אותך ולא מצאתיך.
חפשתי אותך הלויט בענן.

Из уст Твоих мёдом наполнил я душу,
следы Твои явственно видел во сне.

Пред тем, как от нас удалиться куда-то,
Ты мир наподобие сада взрастил.
В нём сон о Тебе, как цветов ароматы.
Ты нас в нём до смерти блуждать осудил.

Но кто же Ты? Кто? Как Тебя я узнаю?
Ты сколько раз образ за вечность сменил?
Открой мне Свой лик! В Твоём царстве блуждаю,
от всей этой жизни печальной без сил.

Мы любим Тебя, пусть с Тобой мы не схожи,
коль Ты есть Печаль, не озлобимся мы.
Всмотрись: солнце бедности всходит всё то же,
почувствуй: все ночи у нас – сгустки тьмы.

Чтоб видеть, как пусто вокруг нас на свете,
в домах наших окна распахнуты все.
Тебя я искал сквозь мрак ночи и ветер,
Тебя я искал и в песках,
и в росе.

Песня на музыку Ицхака Клептера в исполнении Арика Айнштейна
на сайте https://www.youtube.com/watch?v=vIUCQ_0Nds4

Из сборника "Песни бедного я" (1951)

Пьяный

מלא נפש אריתי הדבש מני פיר.
ראיתי חלום עקבותיך בגן.

ידעתי כי נסתה הרחק מעמנו.
עלינו צוית למות גבוכים.
נטעת עולם – עולמנו כגן הוא,
עולה חלומך בו פריח פרחים.

אך מי אתה? מי? ומה דמות גלגולך?
ומה מספרם באין-סוף הרגעים?
גלה לי פנים, לתועה בממלכת
העצובה מני כל בחיים.

אני אוהבך, אם הנך לא כמוני,
ולא אשנאך, אם עצב אתה,
ראה: אור ימינו הוא שמש העני.
הרגש: לילותינו רגבי עלטה.

וריק החלל – חלוננו פתוח
למען נראה בו, מה ריק החלל.
חפשתי אותך בלילות וברוח,
חפשתי אותך בשרב
ובטל

מהקובץ "שירי האני העני"

השכור

Слетают вниз звёзды, вдаль маня.
Я алмазами их украшусь потом.
Представлю, что ночь окружила меня
и прикрыла тело щитом.

Воздух полон дыханьем совы в ночи.
Ни узнать, ни увидеть пути нет сил.
Может, парень, не выйдешь – кричи, не кричи -
к тому дому, где раньше жил.

Часы эти – чудо нездешних дней,
надежды – лишь света игра, обман,
но, пока не иссякли, - довольно, не пей!
Итак уже пьян, уже пьян.

Песня на музыку Ицхака Клептера в исп. Арика Айнштейна
на сайте <https://www.youtube.com/watch?v=BfXRVfcUqYQ>

Гнев бурь

Такими Вселенная нас создала:
дорóг пылью быть и дышать.
Зверей одиночество – наши тела,
умрут и воскреснут опять.

Но ужасы жизни в пустынях Земли
взрасли в бездне дней, словно лес.
И грешный наш мир бури в гневе смели
с её первозданных небес.

Быть может, последний остался нам вздох,
падём под огнём и мечом.
Свидетели битвы жестоких эпох,
мы – пыли воинственной ком.

נוֹשְׁרִים כּוֹכָבִים אֶחָד-אֶחָד.
אֶעֱנֶדֶם, אֶעֱנֶדֶם כְּאַבְנֵי-הַחֹן.
וְאֵז אֲדַמָּה שֶׁהִלִּילָה יָרֵד –
וְלִבֶּשׁ גּוּפִי מָגֵן.

כִּי מֵלֹא הָאֵוִיר נְשִׁימַת יְנוּשׁוֹף –
אֵין לְרֹאוֹת, אֵין לְדַעַת שְׁבִילֵי מָחָר.
יִתְכֵּן, יְדִידִי, כִּי לֹא עוֹד תָּשׁוּב
אֶל הַבַּיִת, שָׁבוּ אֶתָּה גֵר.

וְאֵת שְׁעוֹתֶיךָ – פְּלֹאֵי הַזְּמָן,
וְאֵת תְּקוּוֹתֶיךָ – פְּלֹאֵי הָאוֹר,
אוּלֵּי לֹא תוֹסִיף עוֹד לְשִׁתּוֹת עַד תָּמֹן,
אֶתָּה הַשְׁכּוֹר, הַשְׁכּוֹר.

בְּזַעַם סוּפּוֹת

כָּאֵלָה נּוֹצְרֵנוּ – לְנִשְׁם וְלִהְיוֹת
אֶבֶק בְּדֶרֶךְךָ, יְקוּם.
גּוּפֵנוּ חֲצֵב מִבְּדִידוֹת שֶׁל חַיּוֹת,
גּוּפֵנוּ יְמוֹת וְיָקוּם.

מֶה רַבּוּ מָאֵד –עַד-לְמָאֵד אֵימוֹתֵינוּ
בְּמַעֲמָקֵי הַיָּמִים.
בְּזַעַם סוּפּוֹת עוֹלָמְנוּ נִקְטָף
מֵעַל רִקְיָעֵינוּ הַקָּדוּמִים.

הָאֵנוּ עַלִי אֲדַמָּה אַחֲרוֹנִים
אֶפְלֹנוּ בְּחֶרֶב וְאֵשׁ ?
פְּנִים הִתְרַאֲנוּ אֶת קֶרֶב עֲדָנִים
וְתָמֵנוּ – אֶבֶק מִתְּגוֹשָׁשׁ.

Золотоискатель

Если не даст золотишка земля,
в глубинах небес я найду его всюду.
Не трудно, звезду за звездой обходя,
там золото черпать, как воду.

Если не сможет земля мне сказать,
что значит мой сон, то в могиле
тогда разбужу мою бедную мать:
её-то сны и сгубили.

Спрошу, как там Смерть проводит года,
боится ли хаоса - tohu va bohu ²,
бывает ли грустной, хотя б иногда,
и, правда ли, дружит с Богом?

Что, Смерть – только меч и огонь, и гниль?
Молчанье червей – хохот Вечности жуткий?
Слепа Смерть, глуха и нема она иль
к тому ж лишена рассудка?

Стих и его тень

Аврааму Шлёнскому

כּוֹרֵה-הַזָּהָב

אם אֲדָמָה לֹא תִתֵּן לִי זָהָב,
אֵלַי לַחֲפֹר בְּמַכְרוֹת הַשָּׁמַיִם.
אֲדֹד בְּצִמְאֵי מְכֹאֵב אֶל כּוֹכָב
וְזָהָב אֲשַׁחַד כְּמִיָּם.

אם אֲדָמָה לֹא תִפְתֹּר חֲלוּמִי,
וְחֲלוּמִי יִתְהַלֵּךְ כְּפָצוּעַ,
אֵיר מִן הַקֶּבֶר אֶת צֶלֶם אִמִּי
שֶׁחֲלוּמוֹת רִצְחוּהָ.

וְאֶשְׁאֵל אֶת אִמִּי מֵעוֹלָם-הַמֵּתִים,
אם גַּם הַמּוֹת פּוֹחַד מֵהַתְּהוֹ,
אם גַּם הַמּוֹת עֶצוּב לַעֲתִים,
וְאם אֱלֹהִים יִדְּיוּ הוּא.

אוֹ אם הַמּוֹת רַק הָרֶג וְאֵשׁ,
וְלַעַג הַנֶּצַח בְּפִי הַתּוֹלַעַת.
וְאם הוּא עוֹר וְאֵלֶם וְחֶרֶשׁ
וְגַם חֶסֶר-דַּעַת.

שִׁיר וְצִלּוֹ

לאברהם שלונסקי

² иврит (Ветхий завет, Бытие 1,1) – "Земля же была пуста и хаотична"

Вышел стих из своих берегов,
разливаясь, как реки весной.
Он сквозь дым и пыль был готов
наше сердце вести за собой.

Его старики на своём
наречье, седом, как они,
не раз повторяли потом
(и в озере сгинули том,
где древний покой топит дни).

С времён допотопных тот стих
скитается где-то теперь,
и впредь будет вечно брести,
стучаться в каждую дверь.

Ждём мы, вздох затаив, вдалеке,
когда к нам обратит он речь.
В каждой букве нищ и в строке
скорбью будет нам сердце жечь.

В нищете гневен он и силён,
каждой рифмой с пророчеством слит.
И, печатным станком упрочнён,
его глас в пустыне звучит.

Спряталось тело внутри души

Спряталось тело внутри души –
ракушка – на дно тоски бесконечной.
Если послушать звёзды в ночи,

זֶה שִׁיר הַעוֹבֵר עַל גְּדוּתָיו,
כְּנֶהֱרָה, עֵת יְגָאָה וַיִּסְאָן.
זֶה שִׁיר הַמוֹלִיךְ אַחֲרָיו
לְכַבּוֹת בְּאַבְקָה וְעָשָׁן.

אֶמְרוּהוּ זִקְנִים בְּלִשׁוֹנָם
(כְּמוֹהֶם הִיא מְשַׁלֶּגֶת שִׁיבָה).
אֵינָם הַזִּקְנִים עוֹד, אֵינָם.
שָׁקוּעַ שָׁקוּעוֹ בְּאֶגֶם
אֲשֶׁר לִקְדָמוֹת הַשְּׁלֹחַ.

מִבְּעוֹד הַמִּבּוּל וְלֵעַד –
זוֹ דֶּרֶכּוֹ שֶׁל הַשִּׁיר בְּעֵתִים:
הוּא הִיָּה וַיְהִיָּה נֶע-וְנָד
מִדְּפֶק עַל דִּלְתֵי הַבָּתִּים.

נִקְדָּמוֹ בְּנִשְׁימָה עֲצוּרָה
עַתָּה יִגִּיעַ עַד פֶּתַח הַלֵּב.
הוּא עָנִי בְּכָל אוֹת וְשׁוּרָה
וַיִּגְוֹן יְשׁוּפָנוּ עֶקֶב.

וְהִיָּה בְּעֵנָיו כִּי יִסְעַר
וַיִּגָּאָה מִחֲרוֹז לְחֲרוֹז,
יַעֲלֶה אֵז כְּקוֹל בַּמִּדְבָּר
מִתַּחַת מִכְבָּשׁ הַדְּפוּס.

* * *

בְּרַח הַגּוֹף לְתוֹךְ הַנֶּשְׁמָה –
קִנְיָת אָדָם עַל שְׁפַת הָעֶצֶב.
אִם כּוֹכְבִּים רְחוֹקִים תִּשְׁמַע –

услышишь, как речь ушедших шуршит,
и встретишь лицом к лицу вечность.

Вечность, вечность...

Где она и где я?!

Скамейка,

та возле меня.

А, может, она скрыта в тайном покое

в домике том с голубым окном?

Какая богиня (блаженство какое!)

целует меня в тишине и покое?..

Быть может, вечность спрессована в нём?

Кто я, кто она?! Велика и страшна,

а я – лишь ракушка у дна.

Тело в очах души взаперти

прячет тайну ночных печалей,

как будто жаждет дружбу найти,

без которой

жить сможет едва ли.

За то, чтоб весна удалась

За то, чтоб весна удалась,

чтоб выдался солнечным май...

Сажали деревья, молясь

за жизнь, за большой урожай.

Но лето весны благодать

сумело в туманы одеть.

И, значит, садам - увядать

и сердцу - о мёртвых скорбеть.

אלה קולות ילודי אדמה

ופני בבואות הנצח.

הנצח, הנצח,

רחוק הוא מאן,

מזה הספסל

שבגן.

ואולי הוא חבוי מעבר לשקט

בבית ההוא אדם-הגג ?

אי-מי אלילה לשפתי מנשקת

בבית ההוא מעבר לשקט,

אולי לתוכו כל הנצח נדחק ?

אך מה לי ולו ? הוא נורא וגדול.

ואני קנניה. זה הכל.

עצב הגוף בתוך הנשמה.

את סוד לילותיו הוא מסתיר בעיניה.

פאלו צמא לרעות עגומה

של זו

שקשה בלעדיה.

* * *

צפינו באו של היום

בצלמו כדמותו של הטוב.

נטענו עצים בתפלה :

יבוא הקוטף ויקטף.

תמהנו : הקיץ שבה

הטיל בם צלו הממית.

הוא אות לגנים שייבלו,

וללב – שייספיד.

Есть звезда

Есть звезда, свет которой угас,
соловей, пропустивший свой час,
есть жажда воды из колодца лесного
(так жаждет пустыня дождя проливного).

И есть колодец... (Ошиблись однажды!)
Вода в нём гибнет от жажды.

* * *
יֵשׁ כּוֹכֵב – דּוֹעָה אֲזוּר,
יֵשׁ זְמִיר מְאַחֵר תּוֹר,
יֵשׁ צְמָא לְמִימֵי בָּאָר
כִּי־שִׁימוֹן לְמֶטֶר סוֹעֵר.

וְיֵשׁ בָּאָר – חֲפָרוֹ תוֹעִים,
וְמִימֶיהָ גַם הֵם צָמְאִים.

Сердца наши - озеро

Сердца наши – озеро в чаше из сказок тысячи лет,
лицом к лицу лица – загадка, великий секрет,
стихи – их язык, как отчизна, которой века уже нет.

Клялись мы: да будем!
Мы – буря, затмившая света поток.
Сказали: устроим
пиры в честь богов (если есть у язычников бог).

И каждый в пиру мы благословляли глоток.

* * *
לְכַבְּנוּ – אָגַם הַזֹּרֵם מְרַגְלוֹת אֲגָדָה,
פְּנִינוּ – פְּנִים מוֹל פְּנִים כְּחִידָה,
שִׁירֵינוּ – שְׁפָתָם כְּמוֹלֶדֶת-קְדוּמִים אֲבוּדָה.

נִשְׁבַּעְנוּ : נְהִיָּה.
וְאֵנוּ כֹּסֶעַר בְּאוֹר הַחֲמָה.
אֲמַרְנוּ : נִשְׁכָּר.
וְנַעַשׂ מִשְׁתֶּה לְכָל אֱלִילִי-הַטְּמָאָה.

שְׁתִּינוּ יַיִנָם וַיְבָרְכֵנוּ עַל כָּל לְגִימָה.

Есть белая ночь

Натану Альтерману

Есть белая ночь,
есть – как сажа, черна.
Есть свет непроглядный
и тьмы белизна.
И, словно в стихе,

* * *
לִנְתָן אֶלְתֶּרמָן

יֵשׁ לַיְלָה לָבָן
וְלַיְלָה שְׁחוֹר.
יֵשׁ לָבָן הַלֵּיל
וְאֶפֶל הָאוֹר.
וְלָבָן עִם שְׁחוֹר

с ней рифмуется он.

Один
есть из из многих,
стоит
его трон
в том царстве туманных ни дней ни ночей,
где он только властен
над снами людей.

Я стих свой несу
и склоняюсь с мольбой
к тому, кого нет (и кто рядом) со мной, -
к огню, что сам в пламени гибнет своём,
и к чистому свету того, что потом
не встретишь уже, не постигнешь умом.

Есть белая ночь,
есть — как сажа, черна.
Есть свет непроглядный
и тьмы белизна.
Есть вечность мгновенья и вечности миг,
ухмылка паяца и святости лик.

Человек у себя дома

Бросил в зеркало взгляд человек,
от чужих лиц оно в седине.
Молча слушает,
как попугай
говорит с цветком на окне.

Попугайчик зелёный трещит,

כּבֿשִׁיר מִתְחַרֵּז.

אַחַד
שְׂרָבִים הוּא,
לֹא-מִי
עַלִי כֹס
מְלָכוֹת עֲרָפְלִים שְׂאִינָם-וַיִּשָּׁנָם,
אַחַד יֵשׁ
מוֹלֵךְ עַל חֲלוֹם הָאָדָם.

אִשָּׁא תְּפִלָּתִי,
אִמַּר דְּבַרְתִּי
לָזֶה שִׁישְׁנוּ-וְאִינּוּ אֶתִּי –
לְאִשׁ הָאוֹכֶלֶת אֶת חֶטָּא יְקוֹדָה,
לְטַהֵר הָאִין
שֶׁל בִּלְתִּי-אָדָע.

יֵשׁ לִילָה לָבָן
וְלִילָה שְׁחֹר.
יֵשׁ לָבָן הַלִּיל
וְאִפֹּל הָאוֹר.
וְנִצַּח שֶׁל רָגַע כְּבִלְתִּי-פָנִים,
וְצֶלֶם קִדְשָׁהּ. וְגַחוּךְ-לִיצָנִים.

אָדָם בְּחִדְרוֹ

לוֹ רֵאִית אָדָם בְּחִדְרוֹ
מוֹל רֵאִי שֶׁהִזְקִין מִמְּרָאוֹת,
לוֹ שִׁמְעָתָּ
תִּכְּי יְרֻקָּרָק
מְשׁוֹחַח עִם פָּרוּחַ וָרֹד.

שְׂרׁוֹי לוֹ הַפָּרוּחַ בַּכּוֹס,

роза в банке краснеет от слов...
Время розы не пощадит
и поклонника слова лишит.
Будь готов, попугай, будь готов!

Распахнётся внезапно дверь,
и без стука судьба войдёт
(неизвестно, в обличье каком:
симпатична, а, может, урод).

Неожиданна, как кредитор,
спросит: кто тут есть из жильцов?
Имя, возраст,
где договор?..
Будь готов, человек, будь готов!

Старики

Не глядя вдаль, не видя вблизи,
идут в дремоте – с кашлем, с хрустом,
и каждый на герань в сухом горшке похож –
обломки памятников серых с лысым бюстом.
И надпись вырезана: ложь.

Останки тел их ждёт волнуясь ночь-невеста,
как ждёт усталых птиц осенняя пора.
Они ещё гуляют, хоть известно:
жить долго приказал их день ещё с утра.

Кому вдовство опора, кому трость,
как лампа тусклая, дымят, трясутся руки.
Сидят в саду, а дома ждёт их "гость"...
И, может быть, всплывут в усмешке внука.

שבוי התפי בדמיון - -
הזמן את הפרח ירמס,
ואת חברו יחמס.
הכון, התפי, הכון.

הדלת פתאם תפתח,
ויפנס הגורל.
מי יודע מה צבע בגדו,
אם יפה הוא ואם מגאל.

על הסף יתיצב כנושה.
ישאל מי בבית ישכן.
את שנות החיים,
יהשם - -
הכון, בן-אדם, הכון.

זקנים

בשעולם ובשעלם,
בחלומם המתפכח
(פעצצים קמלים בבית נעזב) –
שרידי אנדרטאות עוטי מחר קרח,
ועליהם חרות: קזב.

כצפרים של סתו לאות-כנפים,
שלהי-גופות מארשים לליל.
יומם שבק חיים בעצם צהרים,
אך הם עוד מוסיפים פה לטייל.

לכל אחד משען – מקל או אלמנות.
לכל אחד עשן מעששית דועכת.
והם יושבים בגן לפני לקתם למות
ונזפרים אולי בחיכוך של נכד.

Её имя

Я ни разу его не назвал
и бумаге не доверял.
С тёмным пламенем схоже оно.
На него лишь молюсь я давно.

Я играю с ним, словно с огнём
Или с бабочкой – ночью и днём,
от людей в душе заперев.
Пусть звучит в крови, как напев!

Я радуюсь, тайну храня,
Иначе не жить мне ни дня.

לא קראתי בשמה בְּרַבִּים.
לא חרטתי שְׁמָהּ עַל דְּפִים.
נִשְׁאַתִּיהוּ כְּלֹהֵט עוֹמֵם,
וְיִדְעֵתִי כִּי זֶהוּ הַשֵּׁם.

וְשִׁחַקְתִּי עִמּוֹ כְּעַם אֲשֶׁר
הִפְרָפֵר בְּלִילוֹ הַגּוֹעֵשׁ.
וְהִסְתַּרְתִּי צִלְלוֹ מֵאָדָם,
וְיִהְיֶה לִּי כְּזֶמֶר בָּדָם.

עֵתָה תַעֲלֶז חִידָתִי,
כִּי יִפְתָּרְנָה – מוֹתִי.

Кто срубил мой ствол?

Кто мой корень кромсал
что есть сил?
Кто ветвей радость мог так согнуть?
Кто в глазах моих свет погасил?..
Вот звезда тех, чей час пробил
лентой траурной чертит путь.

Реки бурные
в жилах моих,
Пашни –
нет у меня родней...
Кто велел мне бежать от них,
позабыть и искать иных,
быть чужим среди их людей?

מִי שָׁבַר אֶת גִּזְעִי,
מִי גָזַל
אֶת שְׂמִיחַת עֵנָפוֹ הַגְּדֻלִּים ?
אוֹר-עֵינֵי הַקְּדָמוֹן הַתְּאֵדָה וְאַזַּל
כְּכוֹכֵב אֵין-מִזָּל
הַנוֹשֵׁר בְּדֶרֶךְ אֲבֵלִים.

נְהָרוֹת
וְזִמְרַת מִימִיָּהֶם,
דְּשָׁאִים
שֶׁדְּמִי בְּדָמָם.
מִי צוּנִי לְנוֹס מִפְּנֵיהֶם ?
מִי אָמַר לִי לְשַׁכַּח פְּנֵיהֶם,
וְלֵהִיוֹת כְּנִכְרִי בְּעַמָּם ?

Мир мой старит детей не в срок,
мои вёсны в тюрьме запер он...
Печален, в лохмотьях, убог
между вами проходит Бог,
возвращаясь домой с похорон.

אָבִיבִי, אָבִיבִי הַכְּלוּאִים
בְּעוֹלָם שְׁזָקָן בּוֹ הַטָּף.
אָבֵל וְעֵטוֹף בְּבִלְוָאִים
מְהַלֵּךְ בֵּינֵיכֶם אֱלֹהִים,
בְּשׁוּבוֹ מִלְּלוֹת אֶת מֵתָיו.

К Смерти в бою

Родителя, сына по локоть в крови ты,
свою службу знаешь монаху под стать.
Ребёнок и старец, мы горем убиты,
но дышим,
ведь трудно дышать перестать.

אתה את אחינו גרשת מחלד,
אתה בקרבות הפהן הגדול.
פֶּשֶׁט יְגוֹנְךָ עַל זָקָן וְעַל יֶלֶד,
אך אֲנוּ נוֹשְׁמִים –
כִּי קֶשֶׁה לְחַדֵּל.

Взгляд звёзд на нас сверху таким ещё не был.
Как прежде сияла небесная рать!
Нет свыше защиты и нет больше неба,
но дышим,
ведь трудно дышать перестать.

וְלִכּוֹכְבִּים לֹא אוֹתָן הָעֵינִים
שֶׁפַּעַם הִזְהִירוּ בְּנִגְהָ כָחַל.
אך אין עוד שָׁמַיִם מִ* הַשָּׁמַיִם
וְאֲנוּ נוֹשְׁמִים –
כִּי קֶשֶׁה לְחַדֵּל.

Молчанию нашему, видно, ты рада
и крикам умерших – их слышит лишь мать.
О Смерть на войне! Нет в тебе к нам пощады,
но дышим,
ведь трудно дышать перестать.

עוֹד אֵלֶם קִזָּה לֹא שִׁמְעַת מִפִּינוּ
בְּזַעַק הַרוּגִים בְּאַזְנוֹנוֹ בְּקוֹל.
הוּא, מוֹת-נִרְצָחִים! עֲבָדֶיךָ הַיִּינוּ.
אך אֲנוּ נוֹשְׁמִים –
כִּי קֶשֶׁה לְחַדֵּל.

Башмаки

Вот они, стоят в печали,
рот раскрыв, без ног пустые –
пара башмаков.

נַעֲלִים נַעֲלִים עֲצוּבוֹת
פֶּעְרוּ רִיקוֹת אֵין-רָגֶל,
נַעֲלִים זוג.

А левой их лежит парень,

לְשִׁמְאֵלָן מִטֵּל הָעֵלֶם,

левее.

Держит пол босого парня,
на себе его несёт.

Тишина без паутины,
а она без паука.

Пара башмаков печальных,
пара башмаков.

Из сборника "Как безымянные под дождём"(1958)

Кузнец

Кузнец работой вдохновлён.
Раздул с рассветом пламя он.
Слышны сквозь дым с начала дня
проклятия и песнь огня.
Они помогут удлинить
горячий слиток в стали нить.
Нить будет два конца иметь:
родиться срок – срок умереть.
Пылает горн, кузнец спешит.
Что предназначено, свершит.
Он всё продумал наперёд,
для всех оковы он скуёт –
И для царя, и для раба.
Жесток, как коршун,
он – судьба.

לשמאלן.

הִרְצָפָה נוֹשֵׂאת עָלֶיהָ
אֶה הָעֵלָם הַיָּחִד.

דוֹמִיָּה לֹא-קוֹרִים,
וְקוֹרִים לֹא-שְׂמֵמִית.

נַעֲלִים עֲצוּבוֹת.
נַעֲלִים זוג.

מהקובץ "כאלמונים בגשם"

גורל

נֶפֶח מְלֵהִיב בִּרְזָל לְלֵהוֹט
בְּזֶמֶר-אֵשׁ וּבִקְלָלוֹת.
מוֹתָחוּ בֵּין שְׁנֵי קְצוֹת כְּחוּט –
בֵּין עֵת לַחַיּוֹת וְעֵת לְמוֹת.
וְאֵין יָדוֹ מוֹחֶקֶת
לְעוֹלָם –
אֲשֶׁר עַל לוֹחֹתֶיךָ חֲרוּת.
וְהוּא בֹאֲזָקִיו כּוֹבֵל עֲשִׂיר וְדָל.
וְהוּא כְּעֵיט מִתְנַפֵּל מֵעַל.
וְהוּא – גּוֹרֵל.

Разве пропасть поймёт другую?

Разве пропасть поймёт другую?
Человеку не слышен другой.
Вот один на пиру бушует,
а иной истекает тоской.

Веселей, музыканты, играйте!
Он застольную тут поёт,
но поверьте и всем передайте:
он сегодня на меч свой падёт.

Все мы смертны, но живы, не так ли?
Мира жизнь — это песнь огня.
И, раз песни пока не иссякли,
кто из рая изгонит меня?

Музыканты, гряньте все вместе!
Я — пуп мира, пусть мчит вокруг!
Жизни миг — месть той страшной мести,
что постигнет нас где-то вдруг.

Я жизнь берегу

Я жизнь берегу: мне дана как милость.
Смерть - тоже милость, в конце концов.
Не мчусь, как лошадь, что жокея лишилась
на скачках спецов и глупцов.

Есть маленький мальчик, любимый мною.
Его мама с папой зовут Эрэль³.
Я буду, пока не укроют землёю,

* * *

אדם היבין למשנהו ?
איה תהום אל תהום תאזין ?
האחד ישתולל במשתהו
ואחר יגזיו מזיל.

נגנו, מנגנים, נגנו.
שר אדם שכרונות ערבו.
האמינו וגם תאמנו :
הוא הערב יפל על חרבו.

כה יפלו בני תמותה — וקמו.
חיי העולם באש !
כל עוד השירים לא נדמו
מי אותי מעדני יגרש ?

נגנו, מנגנים, אל תדמו.
תבל מסביבי תסב.
יחי רגע חי ! וינקם הוא
את נקמתו של הסוף.

* * *

יודע אני : החיים הם חסד.
ומות — גם הוא לעתים.
מה ארוץ, מה אדהר כסוס ללא רסן
במשחקי חכמים ושוטים ?

יש ילד אחד אותו אהבתי.
אמו ואביו קוראים לו אראל.
אם אני מעפר ואליו טרם שבת,

³ Эрэль — ангел (ивр.)

счастлив, что мог прикоснуться рукою
к тебе, мой весёлый малыш Эрэль.

О вечность, тебя за мгновения эти
восславлю, но милость яви в мои дни:
прошу лишь, не будь злою мачехой детям.
Нежней детских глаз ничего нет на свете.
Им мир и покой протяни.

И небо большое без туч грозовых
простри над головками их.

Над лбом сияет чёрный нимб

Над лбом сияет чёрный нимб
из золота (вспомнить бы, стих такой есть?)
Глаза и свет – вот рифма к ним
(вспомнить бы, рифма такая там есть?).
Но, чья б ни была ты,
вся жизнь его – песнь!

Ты в розовый кутаться любишь халат,
пушистый и мягкий, вечерней порою.
И как хорошо, что тебе я не брат,
не стою перед ангелом страхом объят,
как монах, весь во власти печальной мечты,
а пред ним – женщина, ты.

Ты любишь грустить в тишине в часы ночи,
любишь послушать о том и о сём,
а я каждый раз на тебя смотрю молча:
ни слов нет, ни сил.
Обо всём позабыл.

אשרי כי היום אֶרְאֶלִי לַטֶּפֶתִּי.
מה טובו צְחוּקִיהָ, אֶרְאֶל.

הִשְׁבַּח לִנְצַח עַל חֶסֶד הָרַגְעָה.
אִשְׁקָה נָא גּוּפִי לְרוּחָהּ וְאָדָם.
רַחֲמִי, רַחֲמִי, יְד רַעָה וְחוֹרָגֶת.
עֵינֵי תִינוּקוֹת מִבֵּיטוֹת בֶּךָ מִנְּגִד,
הוֹשִׁיטִי לָהֶם שְׁלוֹם.

תְּנִי שָׁמַיִם רַבִּים לֹלֵא שְׁחוֹר-עֵנָנִים
מַעַל רִאשֵׁיהֶם הַקִּטְנִים.

* * *

עֶטוּר מִצַּחֵף זָהָב שְׁחוֹר.
(אֵינֶנִּי זֹכֵר אִם כָּתְבוּ כֶּה בְּשִׁיר).
מִצַּחֵף מִתְחַרֵּז עִם עֵינִים וְאוֹר.
(אֵינֶנִּי זֹכֵר אִם חֲרָזוּ כֶּה בְּשִׁיר).
אךְ לְמִי שִׁתְּהִי –
חַיִּיו מְלֹאֵי שִׁיר.

חֲלוּקָה הַיָּרֵד צִמְרִירִי וָרֶךְ.
אֶת בּוֹ מִתְעַטֵּפֶת תְּמִיד לַעֲת לִיל.
לֹא הֵייתִי רוֹצֶה לִהְיוֹת לָךְ אֵח,
לֹא נָזִיר מִתְפַּלֵּל לְדַמוּתוֹ שֶׁל מֶלֶאךָ
וְרוֹאֶה חֲלוּמוֹת עֲגוּמִים שֶׁל קֶדֶשׁ –
וְלִמּוּלוֹ אֶת, אִשָּׁה.

אֶת אוֹהֶבֶת לִהְיוֹת עֲצוּבָה וְשׁוֹתֶקֶת,
לְהִקְשִׁיב לְסִפּוֹר עַל קְרוֹב, עַל רְחוֹק.
וְאֲנִי שֶׁלֹּא פַעַם אֲבִיט בֶּךָ בְּשִׁקֵּט,
אֵין קוֹל וְדְבָרִים,
שׁוֹכַח הַכֹּל עַל אוֹדוֹת אַחֲרִים.

Твой дом завладел моею душой -
тобой пленена, со мной расстаётся,
когда тело моё расстаётся с тобой.

Мечту свою пред тобой расстилаю
ковром из цветов – пройдишь, дорогая,
в халате розовом мягком под вечер.
Ещё немного, и вот у тебя я.

Лоб свой
в чёрном венце золотом,
как рифму стиху, дашь губам моим.
Я буду пьянея шептать до утра,
пока за окном
не вспыхнет лучом:
"Лоб твой в чёрном венце золотом..".

Песня на музыку Йони Рехтера в исп. Арика Айн-штейна, Йеудит
Рабиц и Корин Алаль на сайте
<https://www.youtube.com/watch?v=wcayUsa9yvw>

Грустно тебе

Грустно тебе и мне грустно как раз.
Нам не сидится на месте.
Так приходи ко мне, детка, сейчас
и пообедаем вместе.

Поговорить нам с тобою не грех
о персонажах известных -
о праотце, о праматери всех,
об ангелочках небесных.

שׁוֹכֶנֶת נַפְשִׁי בֵּין כְּתָלֵי בֵּיתָהּ.
וְשִׁבְיָהּ בֵּין כְּתָלֵיהָ מִמֶּנִּי נִפְרָדָת
עַתָּה אֲנִי בְּגוֹפִי נִפְרָד מִמֶּהּ.

פְּרוֹשׁ חֲלוֹמֵי כְּמֶרְבֵּד לְרַגְלֶיהָ.
צֶעֱדִי, אֲהוּבָה, עַל פְּרָחַי פְּסִיעוֹתֶיהָ.
לְבָשִׁי חֲלוּקָה הַנֶּרֶד לְעַתָּה לִּיל.
עוֹד מַעֲט וְאָבָא אֵלֶיהָ.

וּמִצָּחָהּ
הָעֶטוּר זָהָב שְׁחוֹר
יִקְרַב אֶל שְׁפָמֵי כְּחֹרֶז אֶל שִׁיר.
אֶז אֶלְחֹשׁ בְּאַזְנוֹתֶיהָ עַד בִּקְרָה,
עַד אוֹר,
כְּשִׁכּוֹר:
עֶטוּר מִצָּחָהּ זָהָב שְׁחוֹר.

צער לך

צֶעֶר לְךָ וְצֶעֶר לִי.
עַל כֶּה מַעֲיָדִים הָעֵינַיִם.
בּוֹאִי, אִשָּׁה, בִּיּוֹם זֶה אֶוִּילִי
לְאַרוּחַת צֶעֱרִים.

נִשֵּׁב, נִשְׁוֹחַח עַל דָּא וְעַל הָא,
עַל אֵי הַשּׁוֹקֵעַ בְּמִים,
עַל אֲבִינוּ אָדָם, עַל אִמּוֹנוֹ חֲנוּה,
וְעַל מְלָאכִים בְּשָׁמַיִם.

וְאִם מִלְאָכִים לֹא הָיוּ וְאִינָם
נָשׁוּב נִדְבָר עַל חִוָּה וְאָדָם.

Как листок

לאמיר גלבע

זֶה הָאִישׁ הַנוֹשֵׂא אֶת לְבוֹ כְּעֵלָה
(וְרוֹטֵט הָעֵלָה כְּלָבוֹ שֶׁל אָנוּשׁ)
אֲמַשִּׁילֶהוּ כָּגַל מִן הַיָּם,
הָעוֹלָה
אֶת אַחִיהוּ בִּסְעֵר לִפְגָּשׁ.

פה נחבא זְהֵרָה שֶׁל הַשֶּׁמֶשׁ. וְצֵל –
פה שׂוֹדֵד בְּדַרְכִּים בְּמַמְלַכֶת שְׁחֹרָה.
אֶף עֵינָיו שֶׁל הָאִישׁ כְּתַפְלוֹת הֵן בְּלִיל
אֶל מֹל שְׁנֵי לִחוֹת הַשִּׁירָה.

וְחֵרֹת בְּלוּחֹת: לֹא תִדָּם, לֹא תִדָּם.
וְקִיק:

מִן הָאָפֶר תָּשׁוּב אֶל הָאֵשׁ. –
בְּשֵׂאתוֹ הָעֵלָה הָרוּטָט, הָאָדָם,
עִם אֶחָד שְׂכֻמוֹהוּ בַּשִּׁיר יִפְגֹּשׁ.

מן הספר "אינפנים ההולכים לקראתי"

Каждый – раб

כָּל אֶחָד הוּא עֹבֵד מִתְחִינָן.

* * *

* * *

Много молитв уже жалкий раб
промолчал.
Благословен ты, жребий людской
за то, что рабу
тело дал.

Чтоб полз с червём
и с орлом летал.

Её называют жизнь

Ты её - в сердце, а она тебя - в глаз.
Жизнь, так её зовут.
Она тебя - стрелой, ножом,
огнём.
Она тебя горчайшим ядом, грабежом,
ухмылкою змеи.

Раскаты смеха твоего звучат, как гром.
Как будто ливнем низвергаешься с небес.

Она ж тебя под дых
и в сердце – ты разбит, ограблен, побеждён
в кровавой битве
среди бела дня
и в мраке ночи беспощадной.

Это – жизнь.

Сегодня, в месяц гибели

Сегодня, в месяц гибели тринадцатого дня,

הַרְבֵּה תַפְלָה שׁוֹתֵק הָעֶבֶד
הַחֲרוּף.
בְּרוּךְ אַתָּה, גּוֹרֵל חַיִּינוּ,
הַנּוֹתֵן
לְעֶבֶד גּוּף.

עִם תּוֹלְעִים יִזְחַל.
עִם נְשָׁרִים יֵעוּף.

* * *

הֵם אוֹתְךָ – בְּעֵין. אַתָּה אוֹתָם – בְּלֵב.
וְשִׁמָּם חַיִּים.
הֵם אוֹתְךָ – בְּחֵץ. בְּשֵׁד.
בְּאֵשׁ.
הֵם אוֹתְךָ – בְּרַעַל מֵרֶמֶס מִכָּל מְרוֹר.
בְּלַעְגֵי נְחָשׁ.

גִּלְגַּל צְחוּקֶיךָ רַעֲמִים –
כְּמוֹ יוֹרֵד אַתָּה עִם גֶּשֶׁם-אֵין-מְנוּסִים.

הֵם אוֹתְךָ – בְּלֵב
אֲשֶׁר נִבֵּז, אֲשֶׁר הוּבַס
בְּקֶרֶב דָּמִים
בְּאוֹר גְּלוּי שֶׁל יוֹם,
בְּסִתֵּר לַיִל שֶׁל אֵין-עוֹד-רַחֲמִים.

וְשִׁמָּם חַיִּים.

* * *

הַיּוֹם שְׁלִשָּׁה-עָשָׂר בִּיָּרַח אֲבָדוֹן.

все мои рифмы разлетелись,
как осколки,
подальше от мелодии стиха.

Быть может, я и есть грабитель всех ограбленных
и рад добыче,
подобно тем, кто из ковчега
довольный наблюдал,
как накрывают с головой
других валы потопа?

Быть может, я и есть убийца всех убитых,
об этом хорошо известно звёздам,
и только я не знаю.

В то время, как я пью своё вино
с тобой, одним из многих, подобных мне,
застынет, может быть, твоё лицо,
когда, взглядевшись глубоко в лицо дождя —
такого серого! —
услышишь слова пророчеств
бессердечных мудрецов.
И мои рифмы разлетелись,
как осколки,
подальше от мелодии стиха.

Молитвы еретика

1

Славьте Его языком змей,
насмешками рифмы, режущими сердце и слух,
гордым "нет".

וְחֲרוּזֵי שִׁירִי, כְּמוֹ שְׂבָבִים,
נִתְזוּ הֶרְחֵק
מִלַּחַן הַשּׁוּרוֹת.

אוֹלֵי אֲנִי גּוֹזְלִים שֶׁל כָּל הַנִּגְזָלִים –
וְטוֹב לִי בַּגְזָלָה
כְּמוֹ לְאִישׁ בְּתִבְתּוֹ
שֶׁיִּשְׁאַנָּא זַעַף הַגְּלִים
מֵעַל לְרֹאשֵׁיהֶם
שֶׁל כָּל יוֹרְדֵי מַבּוּל ?

אוֹלֵי אֲנִי רוֹצֵחַם שֶׁל כָּל הַנִּרְצָחִים –
וְזֹאת יוֹדְעִים הַכּוֹכָבִים,
וְרַק אֲנִי אֵינִי יוֹדֵעַ.

בְּעֵת לִגְמִי יֵינִי עֹמֶה,
אֶחָד מִנִּי רַבִּים כְּמוֹנִי,
תִּדְמֶנָּה הַפָּנִים
בְּהִיטֵן עֹמֶק בְּפָנֵי הַגֶּשֶׁם.
אֶפֶר, כָּל-כֶּךָ אֶפֶר,
בְּשִׁמְעַע אֲזָנְךָ אֶת הַנְּבוּאוֹת
מִפִּי חֲכָמֵי אֵין-לֵב.
וְחֲרוּזֵי שִׁירִי, כְּמוֹ שְׂבָבִים,
נִתְזוּ הֶרְחֵק
מִלַּחַן הַשּׁוּרוֹת.

תפילות כופר

א

הִלְלוּהוּ בְּשִׁפְתַּי נְחָשִׁים,
בְּלַעְגִי חֲרוּז צוּרְמִים כָּל לֵב וְאַזָּן,
בְּלֹאוֹ גָּאָה.

Славьте Его свистом ветра ночного –
за судьбы, уготованные Им человекам.

Скрипкой без струн,
флейтой кощунств – денно и ночью
славьте!

2

О Тот, Кто превыше всего!
Я связан с Тобой шнурком истрёпанной сандалии,
который нашёл у Мусорных ворот
ангел, копавшийся там, в городе божественности Твоей.

О Тот, Кто превыше всего!
Не знаю, кто рассказал превысшей Святости Твоей,
что сижу я в дебрях города Твоего
и что не стоят сторожа на стене его
денно и ночью.

Теперь Ты знаешь:
я тоже есть.
И имя моё подобно другим,
как лицо одного человека лицу другого.

И все они так хотели бы, чтобы Ты был,
как один из них,
или чтобы они были все, как Ты,
в высях Твоих неисчислимых.

О Тот, Кто превыше всего!
Излей небытие своё, которое превыше всего,
На мечты тех, кто ищет Тебя денно и ночью.

הָלָלוּהוּ בְּשִׁרְיַת הָרוּחַ בְּלִילוֹת –
עַל גּוֹרְלוֹת אֲשֶׁר שָׁלַח בְּבְנֵי-אָדָם.

בְּכִנּוּרֵי-לֹא-מִיתָרִים,
בְּחִלְלֵי חִלּוּל – יוֹמָם וְלַיְלָה
הָלָלוּהוּ.

ב

הַנִּעְלָה מְכֻלָּ!
אֲנִי קָשׁוּר בְּךָ בְּשִׁרְוֹךְ שֶׁל נֶעַל מְרֻפָּט
אוֹתוֹ מֵצֵא בְּשַׁעַר הָאֲשָׁפוֹת
מִלְּאָךְ נוֹבֵר בְּעִיר אֱלֹהֶיךָ.

הַנִּעְלָה מְכֻלָּ!
אֵינִי יוֹדֵעַ מִי סֵפֶר לְקִדְשֶׁךָ שֶׁל מַעְלָה
כִּי יוֹשֵׁב אֲנִי בְּתוֹכְךָ עִירָךְ
וְאֵין עוֹמְדִים שׁוֹמְרִים עַל חוֹמָתָהּ
יוֹמָם וְלַיְלָל.

עֲכָשׁוּ יְדַעְתָּ:
גַּם אֲנִי יֹשֵׁנִי.
וְשָׁמִי כְּמוֹ שֶׁל אֱלֹהִים הַדּוֹמִים כָּל-כָּךְ
פָּנִי אִישׁ לְפָנַי רַעְהוּ.

כָּל אֱלֹהִים מְצַפִּים כֹּה לְהִיוֹתְךָ
כְּמוֹ אֶחָד מֵהֶם
אוֹ לְהִיוֹתָם
כָּלֶם כְּמוֹךָ בְּמְרוֹמֶיךָ הַרְבִּים.

הַנִּעְלָה מְכֻלָּ!
שִׁפְךָ אֵינִי מְרַחֵם
עַל חִלּוּמָם שֶׁל מְבַקְשֶׁיךָ יוֹם וְלַיְלָל.

Проснутся ли живые мертвецы Твои для молитвы
в час голубой утра,
и вознесётся ли "Да будет свет великий!"
из уст Твоих навстречу им?

Я смотрю на Тебя, онемев и широко раскрыв оба глаза.

Смогу ли говорить с Тобою

Смогу ли говорить с тобою в стройных триолетах ⁴
иль с хитростью лисы
рифм разных стрелы запущу?

Мой Бог, жизнь подаривший мне!
Неужто позабудешь Ты любовь
и не склонишь ухо божественное, чтоб
меня услышать?

В час сумерек меж днём и ночью,
в час, когда жизнь и смерть слились в объятьях,
когда всё сказано,
но искренности не было в словах,

смогу ли говорить с тобою в стройных триолетах
иль, как во сне, в сопровожденье арфы,
а не звучаньем
тела
печального,
чьи дни так кратки?

Смогу ли говорить?..

האם מתיך החיים יעורו לתפלה
של שחרית תכלה
ויעלה יהי של אור גדול
מפיך לקראתם?

אני מביט בך אלאם וקרוע שתי עיני.

* * *

האדבר אתך בטריולטים
או בערמת שועל
יורה חצי חרוז?

אלי ואל חי!
האם תשבת מאהבה
ולא תטה לי אזן אלהית
לשמע?

הנה שעה של בין-ערבים,
של בין-חיים-ומות-חבויים.
והמלים כלן כבר נאמרו עד תם
ואין בהן תמה.

האדבר אתך בטריולטים
או בלית הנבל כחלום
ולא בקול
של גוף
עצוב
וקצר חיים?

האדבר?

⁴ Триолет – стихотворение из 8 строк на две рифмы в установленной последовательности

Он ввёл в заблуждение душу мою

Он ввёл в заблуждение душу мою, чтоб не знал я,
почему,
закрывая глаза,
вижу я города, уносимые бурей,
вижу город ужасов, терзающий город другой,
и город,
дружбу свою покрывающий
мраком кровей вопиющих.
И нет мне спасения
от близких его, мне идущих навстречу.

Могучие, страшные надвигаются, словно потоп
от края до края вселенной.
Поглотят лицо моё,
и даже червь, презренный во прахе,
не придёт презирать меня
и надо мной насмехаться.

Мой отец

Я живу старостью моего отца.
В себе самом несу его годы,
и оба мы, как деревья,
среди ветвей которых прячутся грёзы.
А мы съёживаемся от страха перед громами.

Смотрит на нас невеселый дождь,
собирается обрушиться на нас
и затопить, не принеся благословения.

Отец спрашивает:
- Который час?

* * *

הוא התעה את נפשי לא לדעת
מדוע
בעצמי את עיני
ראיתי ערים נשאאות בסופה
ועיר-בלהות אחותה טורפת
ועיר
רעותה מכסה
באפל דמים צועקים.
ומנוס לא היה לי
מפני אינפניו ההולכים לקראתי.

אינפניו אדירי נוראי המבול
מקצה ועד קצה העולם
יבלעו את פני.
ואפלו תולעת עפר נמבזה
לא תבוז.
לא תלעג.

אבי

אני חי את זקנת אבי.
במו-בשרי נושא אני שנותיו.
ושנינו כעצים
שחלומות יושבים בין ענפיהם
ומצטנפים מפחד רעמים.

גשם-לא-אביב מביט בנו –
לפל עלינו –
להציף מבלי לשאת ברכה.

שואל אבי:
- מה השעה?

Я отвечаю:

- Час жизни, отец мой.

И пою его вином надежды,

стараюсь сделать лучше каждый час дыхания тела.

Отец мой печален.

Я – только плоть и кровь

Я – только плоть и кровь,

и духом слаб.

Ну, я ещё –

туманный облик чей-то, может быть.

Напрасно говорю я: это я.

И не меня несут куда-то две мои ноги,

а это кто-то, кому достался

мой никому не нужный образ.

Какое дело мне, что тот, похожий на меня

по виду и по имени, страдает иногда,

испытывает боль во мне, как от кровоподтёка?

Какое дело мне, что носит он костюм

из ткани моей жизни?

.....

Но он закрыл меня, обнёс стеной,

как пламя, рвущееся с рёвом внутрь.

Дождь этот

Дождь этот, он -

אָני עוֹנֶה:

- שְׁעַת חַיִּים, אָבִי.

וְאָני מְשַׁקֶּהוּ יַיִן-תְּקוּהָ

מִיִּטִּיב לְכָל שָׁעָה שֶׁל נְשִׁימַת הַגּוּף.

אָבִי עֲצוּב.

* * *

אִינִי אֶלָּא בָּשָׂר וָדָם

וְרוּחַ לֹא טוֹבָה.

אוּלִי

גַּם צֶלֶם מְעֻרָּפֶל שֶׁל מִי.

לִשְׁוֹא אָני אוֹמֵר : אָנִי.

כִּי לֹא אָני הוּא שְׁנוּשָׂאוֹת שְׁתִּי הוֹלְכוֹתִי.

אֶלָּא אֶחָד אֲשֶׁר זָכָה מִן הַהֶפְקֵר

לְהִיזוֹת מִרְאָה-דָּמוּתִי.

וְמָה אֶכְפֹּת לִי בְּדוּי-פְּנֵי-וְשִׁמִּי

שֵׁיטִשׁ וְגַם כּוֹאֵב הוּא לְעֵצָמִי

כְּחִבּוּרָה בְּגוּף?

מָה לִי אֶכְפֹּת זֶה הַלּוֹבֵשׁ מְעִיל

עֲשׂוּי אֲרִיג חִיִּי?

.....

אֲךָ הוּא סוֹגֵר עָלַי כְּסִגְר חוֹמָה

עַל אֵשׁ זוֹעֶקֶת פְּנִימָה.

* * *

הַגֶּשֶׁם הַזֶּה

горького чаша вина
в гибели час.

Чёрт его знает, куда
в бурю уносится дым облаков.

В теле моём
угасают последние кости –
вспышки огня жизни без силы.

Хочет закутаться в плащ человек,
а плащ распадается на печальные нити.

Esse homo.⁵

כִּיּוֹן מְרִיר הוּא
לְשַׁעַת אֲבִדוֹן.

שֶׁד יוֹדֵעַ לֹאן
מְגִלְגֵּל הָעָשָׁן עֲנָנִים בְּסוּפָה.

בְּגוּף
עֲצָמוֹת דּוֹעָכוֹת –
לְהִבּוֹת שֶׁל חַיִּים אֵין גְּבוּרָה.

אָדָם מִתְעַטֵּף בְּמַעֲיל מִתְפֹּאֵר
לְחוּטִים עֲצוּבִים.

Esce homo.

Оставь меня навек

Оставь меня навек.
Я ухожу, чтоб быть среди людей.
Ты, неизвестный и далёкий,
сидишь на небесах,
окутан вечностью.
Я ухожу, чтоб быть среди людей,
из праха созданных Тобою.

Не говори со мной на языке Твоих небес.
Грамматику молитв,
к Тебе издревле возносимых, я нарушу
с усмешкой.

* * *

עֲזַב אוֹתִי לְעַד.
אֲנִי פּוֹנֶה מִמָּה אֶל בְּנֵי-אָדָם.
כְּמוֹךְ אֵין רְחוֹק –
יוֹשֵׁב שָׁמַיִם
בְּנֻצָּחִים.
אֲנִי פּוֹנֶה מִמָּה אֶל בְּנֵי-אָדָם.
כִּי הֵם שֶׁל הָעֶפֶר הַזֶּה.

אל תְּדַבֵּר אֵלַי בְּשִׁפְת שְׁמִיךְ.
אֲנִי אֶפֶר דְּקָדוּק לְשׁוֹן תְּפִלוֹת
הַנִּשְׁאָאוֹת אֵלֶיךָ
וְאֶלְעָג.

⁵ Esse homo (лат.) – се, Человек (слова Понтия Пилата согласно Евангелию от Иоанна 19,5))

И обменяю свою любовь к Тебе
не ничего не стоящую тени тень.

Вот я стою под низким потолком
и говорю:
Оставь меня навек.
Придёт иль не придёт
и будет или нет...
Оставь.

Из книги "В тени всякого места" (1970)

Я сокращаю себя

Я сокращаюсь
до точки
безымянной,
чтобы не беспокоить своим присутствием
державы.

Всегда он на моём пути

Всегда он на моём пути,
и на устах его победы клич -
и надо мной,
и над моею жизнью.
А на моих устах один вопрос:
Ну, что ещё?

Он предрекает краткость бытия,
как филин ухая во мраке.
Ему поклоны бьём,
пред ним ниц падаем

אֲנִי אֲמִיר אֶהְבֶּתִי אוֹתְךָ
בְּלֹא-שָׂוְהָ צֵלוֹ שֶׁל צֶל.

הִנֵּה עוֹמֵד אֲנִי מִתַּחַת לַתְּקֵרָה
הַלֹּא-גִבְהָה.
אֲנִי אוֹמֵר : עֲזֹב אוֹתִי לְעַד.
יָבוֹא אוֹ לֹא יָבוֹא.
יִהְיֶה אוֹ לֹא.
עֲזֹב.

מן הספר "בצל כל מקום"

* * *

אֲנִי מִצְמָצֵם אֶת עֲצָמִי
כְּדִי נִקְדָּה
אֶלְמוּנִית –
שֶׁלֹּא לְהִטְרִיד בְּגוֹפִי
מִלְכֵיאוֹת.

* * *

תָּמִיד הוּא בְּדֶרֶךְִי –
מְשַׁמֵּיעַ הוּא שֶׁל נִצְחוֹן
עָלִי
וְעַל חַיִּי
וְאֵין בִּפְי אֵלָּא :
מָה עוֹד ?

הוא מתנבא על קצֵר זמן
הוא מתִּינֵשֶׁף לִילִית
אֵלִיו אֲנוּ קָדִים
וְלוֹ מִשְׁתַּחֲוִים

и от него бежим, спасаясь.

וּמִפְנֵי נָסִים.

В такой момент
являет клоун,
на арене кувыркаясь,
бессмысленность круговращения жизни.

בְּרֹגַע שְׂכָזָה
קוֹפְצִים הַלִּיצָנִים בְּקִרְקָסִים
וּמִתְהַפְּכִים
בְּהַפּוּכֵי אֵין-מָה –

И не вернёт

וְלֹא יָשִׁיב

Дал,
взял
и не вернёт мне в тёплые ладони
никогда.

נָתַן
לָקַח
וְלֹא יָשִׁיב לְחֹם כְּפִי
לְעַד.

А я,
как дерево упрямое, расту на выступе скалы
назло камням.

וְאָנִי
כְּעֵץ עֲקָשׁ גָּדֵל עַל סֹלֶעַ
לְהַכְעִיס הָאֲבָן.

Гнездиться будут на ветвях его
и песни будут петь
все мои птицы.

יִקְנְנוּ בֵּין עֲנָפָיו
וְיִזְמְרוּ לָהֶם זִמְרָה
כָּל צִפּוֹרִי.

Бессонная ночь

* * *

Бессонная ночь. Ты во тьме
возвращаешься к сгинувшим в прошлом мирам,
чтобы что-то найти там.

לֵיל נְדוּדִים. וְאַתָּה
מְחַזֵּר עַל פְּתָחֵי עוֹלָמוֹת שְׁאֲבָדוּ –
לְמִצָּא בָם דְּבָר.

Свечи старые
вновь зажигаются в доме у деда.

נֵרוֹת יִשְׁנִים
נִדְלָקִים בְּבֵיתוֹ שֶׁל סִבִּי.

И в одеждах далёкого праздника детство

יְלָדוֹת הַלּוּבָשֶׁת בְּגָדֵי חַג רְחוֹק

вновь расселось напротив тебя на всех стульях,
воскрешая внезапно
давно позабытые лица.

Вот немой, он когда-то ласкал мои кудри.
Вот глухой, он мне сказки рассказывал громко.
Вот скрипач – из его сердца вырвал струну я.
Вот и ты, вот и я.
А вот те, кто уже никогда не вернётся.
Вовеки.
Но есть - о, как есть! – те, которых изгнать
и колдун не сумеет -
те, в одеждах такого далёкого праздника
в книге детства.

Там уносит река свои воды,
по которым куда-то плывёт удаляясь
флот бумажных корабликов.

Доброй вам ночи, кораблики, доброй вам ночи!

Мрак бежит от него

Мрак бежит от лица Его,
как испуганный до смерти лев
от более сильного льва.

Тучами стрел надо мною летят громовые раскаты -
Творца всемогущего смех.
Так почему бы в мгновение такое
молитву не произнести?
Коли я – только плоть и кровь,
а мрак вокруг так тяжёл и подобен бездне,

יוֹשֶׁבֶת מוֹלֵךְ בְּכָל הַכִּסְאוֹת מִסָּבִיב
וְעוֹשֶׂה פְּרָצוּפִים נְשָׁכָחִים
שֶׁקָּמוּ פֶתָאִם לְתַחִיהָ.

הִנֵּה הָאֵלִים שְׁלִטְף אֶת רֹאשֵׁי.
הִנֵּה הַחֶרֶשׁ שֶׁסָּפַר אֲגָדוֹת לִי.
הִנֵּה הַכֶּנֶר שֶׁתִּלְשָׁתִּי מִיֵּתֶר מִלְּבוֹ.
הִנֵּה גַם אֶתָּה. גַּם אֲנִי.
וְאֵלֶּה שֶׁלֹּא עוֹד יָשׁוּבוּ, שֶׁכָּבֵר לְעוֹלָם
לֹא יִהְיוּ.
אֶךְ יִשְׁנָם, כֹּה יִשְׁנָם, שֶׁלֹּא יִגְרָשָׁם
אֶפְלוּ קוֹסָם
שֶׁבִּסְפָּר יְלָדוֹת הַלּוֹבֶשֶׁת בְּגָדֵי חַג רְחוֹק,
כֹּה רְחוֹק.

נָהַר מְגִלְגֵּל אֶת מִימָיו
וְעָלְיוּ כָּל סְפִינוֹת הַנִּיָּר
הַשְּׁטוֹת עוֹד אִי-שָׁם בִּילָדוֹת.

לִילָה טוֹב לְסָפִינוֹת, לִילָה טוֹב.

* * *

נֶס הַחֹשֶׁךְ מִפְּנֵי
כָּנוּס אֶרְיָה בְּהוֹל-בְּהוֹל
מִפְּנֵי חֲזָק מִמֶּנּוּ.

מְעוֹף חֲשֵׁרֵת חֲצִי-צְחוּקִיו
שֶׁל אֱלֹהִים גְּדוֹלִים מְאֹד.
וְלָמָּה רָגַע לֹא אָמַר תִּפְלָה?
וְלָמָּה –
אִם אֲנִי בֶּשֶׁר וָדָם
וְחֹשֶׁךְ כְּבֵד-תְּהוֹם –

не время ль сказать мне:
"Благословен будь вовеки, Ты, неведомо Кто!"

מדוע לא אמר תפלה פתאם:
ברוך אתה איני יודע מי.

Из книги "Из сора возвысит" (1974) ⁶

מהקובץ "מאשפות ירים"

Обугленный воздух

האזיר החרוף

И что, если выпорхнули из головы моей птицы огненные
и закричали на языке непонятном,
и ночь ответила им эхом,
и стал тот час
 водоворотом голосов
оплакивающих человека?

ומה אם פרחו צפרים בוערות מראשי
והן צעקו בלשון לא מובנת
ולילה הדדה הדדה
והיתה השעה
מערבלת קולות
בוכים על אדם?

Кого оплакивать под небесами небес этих
в этом обугленном воздухе?
Я спрашиваю печаль, заполнившую улицы,
освещённые войной.

את מי לבכות תחת שמי השמים האלה
בזה האזיר החרוף?
אני את העצב שואל העושה ברחובות
מוארי מלחמה.

Я спрашиваю печаль.

את העצב אני שואל.

Только кровь

רק דם

Есть кто-то,
поблизости от моего дома, на расстоянии дикой усмешки
над живым.

יש מישהו
קרוב אל ביתי קרבת לעג פרוע
לחי.

Сидит между мною и всякой надеждой,
которая у меня осталась.

יושב הוא ביני לבין כל תקווה
שאני מקווה.

⁶ "...из сора возвышающий нищего" (ТАНАХ, Писания, Псалмы, 113, 8)

Вместо шляпы, на нём вся вселенная -
как будто она принадлежит ему,
а для меня нет там и малого места.

Кто-то,
не Бог -
только плоть и только кровь. Только кровь.

Что делать человеку

Что делать человеку,
глаза которого, расширенные в растерянности, вопрошают,
и нет ответа.

Кто-то,
как птица с окованным железом клювом,
настойчиво стучится в дверь.

Спрятаться?
Но все убежища твои открыты на произвол судьбы
даже для слепого.

Хотя он и слеп.

Всё, чего не имею

Всё, чего не имею,
храню я в подвалах,
полных наилучших потерь.
Потому я праздную День легкомыслия
с лилией красной в руке.

חובש לראשו את כל העולם כּלו –
כּאלו שָׁלוּ הוא
וְלִי אֵין בּוֹ חֶלֶק מֵעַט.

מִיֶּשֶׁהוּ
וְהוא לא אֱלֹהִים –
רַק בָּשָׂר וְרַק דָּם. רַק דָּם.

מה יַעֲשֶׂה אָדָם

מה יַעֲשֶׂה אָדָם
שְׂעִינִיו קְרוּעוֹת בְּמִבְּוֶכָה שׁוֹאֵלֶת
וְלֹא נִעֲנִית.

מִיֶּשֶׁהוּ
כְּצֹפֹר מְבַרְזֶלֶת מִקּוֹר
מִדֹּפֶק עֶקֶשׁנִית עַל הַדֶּלֶת.

לְהִסְתַּתֵּר?
- כָּל מִסְתוּרֶיךָ גְּלוּיִים לְהַפְקֵר
אֶף שְׁעָרָהּ הוא.

אֶף כִּי עוֹר.

כָּל מַה שְׁאִין לִי

כָּל מַה שְׁאִין לִי
שְׁמֹר בְּמִרְתָּפִי
מְלֵאִי כָּל טוֹב אֲבוּד.
לְכֵן חֹגֵג אֲנִי קְלוּת-הַדַּעַת
עִם שׁוֹשְׁנָה וְרִדָּה בִיד.

Часы эти чужды, но сколько ещё их
осталось?

Скоро заглянет утро
сквозь щели в шторах.

Часы из глубы морской. И народ
рыб золотых и рыб света
так по-детски резвится...

Быть легкомысленным. С лилией в руке, протянутой кому-то...

Стихи – рисунок

Стихи -
рисунок чёрной тушью,
гравюра, где намёки тайн намечены резцом.
Стихи – свидетельство
беды.

Стихи рифмуют строки,
чтобы пронзать сердца,
и сами, пронзённые смертельно, идут
с усмешкой
показной на всех чертах лица.
Но там, внутри...

Внутри
стихи – букет цветов с одной из звёзд
на память о...

Написано в воздухе

Слова пишутся в воздухе.
А глаза твои

שעות יפות. כמה נותרו לי
כמו הן
עד יתרמז הבקר
מבין סדקי תריסי?

שעות מעמק ים. ועם
דגי האור והזהב
משתובבים לה ילדותית –

להיות קל-דעת. עם שושנה ביד מושטת אי אל מי.

* * *

השיר
עשוי דיו שחור –
חרות רמזי סודות.
הוא כתב
על שד.

הוא מחרז שורות
דוקרות הלב
ומהלך דקור למות
ומחיה
בכל קו החוץ שלפנים.
אבל בפנים –

בפנים
הוא צרור פרחי כוכב
לזכר משהו.

כתוב באויר

מלים נכתבות באויר.
ועיניך

почти закрыты -
смотрят глубоко внутрь.

Ты перпесекаешь густой лес слов
или реку,
текущую в глубине самой себя.
Ты – слепой рак, впитывающий её воды.

Если бы не был ты создан по образу души страждущего,
как бы узнал ты, что недостаёт нам бога?

Резве не был ты никогда поражён
внезапным светом вихрящейся молнии?

Вот она пишется в воздухе
буква за буквой.

Тишина так молчалива

Тишина так молчалива,
как будто молчит в рупор
смерти.
Ещё вдох, ещё и ещё.
А я – лишь облако праха,
ибо из праха...

Нет, нет. Тело моё будет кричать от страха :
Нет, нет!

Среди ангелов бессмертия, радующих всё живое,
будут обращаться годы мои.
И на часах вечности этой
стрелка будет преследовать стрелку.

כְּמַעֵט עֲצוּמוֹת –
רוֹאוֹת הֵן פְּנִימָה מֵאֲדָה.

אַתָּה חוֹצֶה יַעַר עֵבֶת שֶׁל דְּבָרִים
אוֹ נָהָר
הַשֵּׁט בְּעֵמֶק עֲצָמוֹ.
אַתָּה סֹרֵטָן עוֹר הָאוֹכֵל אֶת מִימּוֹ.

לֹוֹלָא נִבְרָאתָ בְּצֶלֶם נִפְשׁוֹ שֶׁל כּוֹאֵב
אִיךָ הֵייתָ יוֹדֵעַ חֲסָרוֹן אֱלֹהִים?

הָאֵם לֹא הִכִּית פְּתָאֵם
בְּאוֹר שֶׁל בְּרָק מִתְהַפֵּה?

הִנֵּה הוּא נִכְתֵּב בְּאֵוִיר
אוֹתִיּוֹת אוֹתִיּוֹת.

* * *

הַדּוּמְיָה שְׁקֵטָה כָּל-כָּךְ
כְּמוֹ דּוּמְמַת הִיא לְתוֹךְ רִמְקוֹל
שֶׁל מְוֹת.
עוֹד נְשִׁימָה. עוֹד אַחַת. עוֹד.
וְאֲנִי עֵנָן עֶפֶר
כִּי מַעֲפָר –

לֹא, לֹא. גּוֹפִי יִצְעַק אִימַת קוֹלוֹ
שֶׁלֹא וְלֹא.

בֵּין מְלֶאכִי אֱלֻמּוֹת מְשֻׁמְחֵי בְּרִיּוֹת
שָׁנוּתִי אַחֵג.
וְעַל פְּנֵי לִוְחַ הַשְּׁעוֹת שֶׁל זֶה הַנֶּצֶחַ
מְחוּג יְרֵדֶף מְחוּג.

Если кому-то снится птичка

Мне снилась птичка. Танцевала,
как и пристало птицам,
попавшим в чей-то сон.

Если кому-то снится,
как танцует птичка...

"Спой, птичка, мне о чудесах", -
хотел я попросить,
как некогда любимый Бялик ("К птице").

Помню, не раз я следом шёл за ним,
когда он проходил по улице,
нагруженный горами мыслей.

"Есть, парень,
спичка у тебя?" -
спросил меня он после полночи однажды.
И целый полночный час
стал легендой о дрожащем огоньке той спички.

Если кому-то снится птичка.

Когда была я птицей лесной

Когда была я птицей лесной,
ранила меня стрела охотника
случайного.

Голос его преследовал меня:

כְּשֶׁמִישָׁהּ הוּלֵם צִפּוֹר

צִפּוֹר רָקְדָה בְּחִלּוּמִי
כָּל צִפּוֹר
אֲשֶׁר רוֹקְדֶת לָהּ בְּחִלּוּמוֹ שֶׁל אִישׁ.

כְּשֶׁמִישָׁהּ הוּלֵם צִפּוֹר
אֲשֶׁר רוֹקְדֶת לָהּ –

"זָמְרִי, צִפּוֹרִי, נִפְלְאוֹת" –
הָיִיתִי רוֹצֶה לְבַקֵּשָׁה
כְּבִיאִלִיק הָאֱהוֹב בְּ"אֵל הַצִּפּוֹר".

זָכַרְתִּי לְכֶתִי אַחֲרָיו
בַּעַת עֲבָרוֹ בְּרַחוּב
עֲמוֹס הַרְרִי דַעַת.

בְּחוּר, יֵשׁ לָךְ
גִּפְרוּר?
שָׁאַל אוֹתִי פַעַם אַחֵר שְׁעַת חֲצוֹת.
וְשָׁעָה אַחֶר-חֲצוֹת
הָיְתָה לְאַגְדַּת גִּפְרוּר רוֹטֵט.

כְּשֶׁמִישָׁהּ הוּלֵם צִפּוֹר.

* * *

כְּשֶׁהָיִיתִי צִפּוֹר בִּיעָר
פָּגַע בִּי חֶצוֹ שֶׁל צִיד
נָע וְנָד.

קוֹלוֹ הִלָּךְ אַחֲרָי:

"Выйди, друг мой, навстречу..". ⁷

И пошла я,
и до сих пор не вернулась.

В день, обугленный войной

Я,
чей век так краток,
снимаю мятую шляпу
перед вечностью.

Я,
один из мечтающих о...
О чём мечтает один из безудержных фантазёров?
У него
два голубя.
Один – белоснежный шёлк,
другой – вечер, онемевший после чьей-то смерти.
Обоих роднит
боль,
которую, если выразить словами,
это будет лишь тень того, что нельзя рассказать
ни сейчас, ни потом.

Цветы ошибок

Стихи мои -
цветы ошибок.
Букетами я клал их

- לָכֶּה דֹּדִי לַקְרָאת.

וְהִלַּכְתִּי.
וְעַדִּין לֹא שָׁבַתִּי.

בְּיוֹם חֲרוֹךְ מַמְלַחְמָה

אֲנִי
שָׁכַל כָּה אֲרַעִי אֲנִי
מְסִיר כּוֹבְעִי הַמַּעוֹף
בְּפָנֵי הַנִּצָּח הַזֶּה.

אֲנִי
אֶחָד הַחוֹלִים עַל
עַל מָה חוֹלִים אֶחָד פְּרוּעַ שְׁכֵמוֹתוֹ?
לוֹ
שְׁתֵּי יוֹנִים.
אַחַת כְּמִשִּׁי הַצָּחוֹר.
אַחַת כְּעָרֵב הָאֵלֶם אַחֵר מוֹתוֹ שֶׁל מִי.
וְכּוֹאֲבוֹת שְׁתֵּיהֶן
כָּאֵב
שְׁמִלוֹתֵיו הֵן רַק צִלְלִים שֶׁל מָה
שֶׁלֹּא יָכוֹל, שֶׁלֹּא יוֹכֵל
לְהֶאֱמָר.

פְּרָחֵי טַעֲיוֹת

שִׁירִי –
פְּרָחֵי טַעֲיוֹת.
צְרוּרִים צְרוּרִים אֲנִי מִנִּיחָם

⁷ Из молитвы на встречу субботы (на текст Шломо Алькабец Алеви – 16-й век, Цфат)

на порог.

Всё время, что она была жива,
жила в одном со мной переулке
в огромном городе из сотен улиц.

Я ей не верю, будто умерла она.

И в сумерки на улице, которая
не принадлежит ни одному из нас, по ней идущим,
я ещё, может быть, когда-то её встречу.

Стихи мои -
цветы ошибок.
И этот – тоже один из тех букетов,
которые я оставлял когда-то на её пороге.

Из книги "И старое и новое" (1977)

Я молю

жизнь мою
извлечь
жизнь мою
из горящего света
властитель над жизнью моей
восстать для воскрешения
отчаянно смелый
как зверь
втягивающий воздух ноздрями быстро-быстро
какой запах очень похож на человеческий
и почему голова моя
падает с плеч семь раз днём семь раз ночью

על סף.

בעוד היא במינה
בעיר גדולה מאד של רחובות הרבה –
התגוררה בסמטתי.

אינני מאמין לה שהיא מתה.

בבין-ערבי הרחוב – והוא
כלא שנה לאיש מן ההולכים בו –
אפגש אותה אולי.

שירי –
פרחי טעיות.
אף זה אינו אלא אחד
מצרור אשר הנחתי על ספה.

מהקובץ "ישן וגם חדש"

אני תפלה

את חיי
לגרף
את חיי
משרפת האור
המולך על חיי
לקום לתחייה
נועז
כחיה
שואפת אור בנחיריה השתים השתים
איזה ניחוח מאד אנושי
ולמה ראשי
נופל שבע ביום שבע בליל

не просто слова на ветер
ветер пахнувший гарью
и я молю
да не сподоблюсь этого

Бог даст ⁸, и сподобимся
будет утро
полдень без войны даст
и покой ночью
кто даст,
и будет
кто

Господин дней наших

Господин дней наших и царь их,
царствие Твоё
над облаками.
А что с царствами народов Твоих малых
будет
или не будет...

Пред глазами их явил Ты
белоснежную чистоту Свою
в неискренности её
с искажённой улыбкой
пустой
белоснежной

и как бы искренний...
вид ужасов
с болезненной печалью в глазах

לא סתם אִמִּירָה בְּאֵוִיר
שֶׁרָפָה נוֹדֵף הָאֵוִיר
וְאֲנִי תַפְלָה
לִכְךָ בִּלְ אֲזָכָה

מִי יִתֵּן וְנִזְכָּה
שֶׁבִקֵּר יְהוָה
צָהָרִי אֵין-מִלְחָמָה – יִתֵּן שְׁיֵהִיו
וּבִלְיָלָה מְנוּחָה
מִי יִתֵּן
וְתִהְיֶה
מִי

* * *

אֲדוֹן חֲלָדֵנוּ וּמַלְכוֹ,
מַלְכוּת לָךְ
מַעַל לְעַנְנִים.
וְכֵּה עַל מַלְכוּת עַמִּיךָ הַקָּטָנִים
יְהוָה
אוֹ לֹא יְהוָה –

לְעֵינֵיהֶם הַפְּרִתָּ
צָחֹרֹתֶיךָ
לֹא-תִמְיֹמוֹתֶיךָ
מַעֲשֵׂוֹת חֵיוֶיךָ
חִלּוֹל
צָחֹר

וְכֵמוֹ תַּמִּים תַּמִּים –
מִרְאֵה אִימִים
עֲצָבָת-חֲלִי לְעֵינִים.

⁸ Выражение "кто даст," (в оригинале) на иврите употребляется в смысле "Бог даст,"

Господин дней наших
царствие Твоё в небесах.
а царства народов малых...
что с ними будет?

Или у Тебя нет глаз?

אֲדוֹן הַיָּמִים,
מַלְכוּת שְׁמִיךְ בַּשָּׁמַיִם.
וּמַלְכוּת עַמֶּיךָ הַקָּטָנִים –
מָה עֲלֵיהֶן יְהִיָּה?

הֲאֵין לְךָ עֵינַיִם?